

ПРЕДДВЕРІЕ ЛИТЕРАТУРЫ.

(Страничка изъ воспоминаній).

ВЕСНОЮ 1876 года, не помню, какого мѣсяца и числа, да это и не важно, я сидѣлъ въ Черниговской губернской земской управѣ и держалъ корректуру «Земскаго Сборника», находившагося частнымъ образомъ подъ моимъ редакторствомъ. Вдругъ почталіонъ подалъ мнѣ письмо отъ издательницы газеты «Кіевскій Телеграфъ», въ которой я отъ времени до времени пописывалъ корреспонденціи и печаталъ фельетоны крайне темнаго и загадочнаго характера, выводя черниговскихъ административныхъ и общественныхъ дѣятелей подъ видомъ попугаевъ, сорокъ, воронъ и тому подобныхъ представителей пернатаго царства. Издательница, г-жа Гогоцкая, жена извѣстнаго профессора, писала мнѣ: «Въ Черниговѣ было два подписчика на нашу газету, теперь ихъ сорокъ восемь. Всего на всего у насъ двѣсти подписчиковъ. Если вы увеличите ихъ число въ двадцать пять разъ, то вы сдѣлаете только то, въ чемъ я заранѣе не сомнѣваюсь. Мы можемъ вамъ дать двѣсти рублей жалованья въ мѣсяцъ, квартиру въ помѣщеніи редакціи и почасную плату». Другое письмо въ тотъ же день я получилъ отъ редактора «Кіевскаго Телеграфа», г. К. Онъ убѣждалъ меня согласиться на предложеніе г-жи Гогоцкой и ссылался на разстроенное здоровье, которое мѣшаетъ ему продолжать редакторскую дѣятельность. Я сложилъ корректуру «Земскаго Сборника», отправился къ бывшему тогда предсѣдателемъ земской управы Карпинскому

(нынѣ умершему) и показалъ ему оба письма. Онъ поздравилъ меня, выдалъ причитающіяся мнѣ съ управы деньги, и, кажется, на другой же день я поѣхалъ въ Кіевъ. Надо было спѣшить; дѣло представлялось живое, новое, къ которому я стремился и о которомъ мечталъ. Положеніе редактора щекотало мое самолюбіе; я строилъ по пути тысячи различныхъ плановъ, какъ поднять газету, какъ сдѣлать ее интересной, какіе завести отдѣлы, какихъ привлечь сотрудниковъ.

Стояла необыкновенно жаркая погода. Редакція помѣщалась на Бульварной улицѣ. Раскаленная пыль раскаленными вихрями носилась по городу. Солнце ослѣпляло. Я позвонилъ. Меня встрѣтилъ мой предмѣстникъ К. въ блузѣ и въ бѣлоснѣжныхъ воротничкахъ и сейчасъ же сдалъ мнѣ всѣ дѣла, всѣ портфели, посвятилъ въ разныя редакціонныя тайны, въ числѣ которыхъ не было, впрочемъ, ни одной предосудительной, и просилъ меня не измѣнять круто городской политики, такъ какъ «Кіевскій Телеграфъ» поддерживалъ кандидатуру въ головы какого-то купца, совершенно мнѣ неизвѣстнаго, проживавшаго на Подолѣ и содержавшаго тамъ бани. Покончивъ съ дѣлами, г. К. повезъ меня къ издательницѣ. Это была пожилая дама, извѣстная своей благотворительной дѣятельностью въ Кіевѣ. Она нашла, что толковать со мной о направленіи газеты лишнее, потому что оно будетъ зависѣть отъ меня; ничего «вреднаго» я не буду, по всей вѣроятности проводить, потому что все «вредное» вредно и ведетъ къ закрытію газеты. Вручивъ мнѣ впередъ мѣсячное жалованье, она разсталась съ нами, и съ тѣхъ поръ я видѣлъ ее не больше двухъ разъ. Черезъ три дня г. К. уѣхалъ въ деревню. Я быстро вошелъ въ роль редактора, обязанности котораго не были сложны, хотя мнѣ приходилось сидѣть по восемнадцать часовъ за работой. Контингентъ сотрудниковъ былъ не великъ. Когда я въ первый разъ увидѣлъ ихъ, меня поразило, что они всѣ въ блузахъ, надѣтыхъ на голое тѣло, а одинъ былъ въ туфляхъ на босу ногу. Потомъ оказалось, что скольконибудь сносный гонораръ получалъ только редакторъ; сотрудникамъ платилось по три копейки, по двѣ, и даже по полторы за строчку. Время было «радикальное», и молодые люди щеголяли нѣкоторой небрежностью костюма, стараясь ничѣмъ не отличаться отъ наборщиковъ.

Чрезвычайно выгодно для новой редакціи, если въ городѣ случаются какія нибудь сенсаціонныя событія. Мое вступленіе въ «Кіевскій Телеграфъ» ознаменовалось печальнымъ происшествіемъ, отчеты о которомъ вызвали интересъ къ умирающей газетѣ, такъ что нѣкоторые номера пришлось печатать двумя изданіями. Составляетъ большое удовольствіе молодому редактору собственноручно написать: «Четверговые номера всѣ разошлись. Къ вечеру было выпущено второе изданіе для удовлетворенія иногороднихъ подписчи-

ковъ». Одинъ изъ моихъ блузниковъ, милѣйшій, безпечнѣйшій юноша Р., проникся даже американскими нравами и упросилъ частнаго пристава посадить его въ кутузку. На другой день утромъ онъ доставилъ мнѣ плоды своихъ ночныхъ наблюденій. Всѣ мы вели себя положительно самоотверженно. Убѣдившись, что касса у насъ слаба, мы, въ порывѣ желанія служить только дѣлу и презирая корысть, отказались отъ нѣкоторыхъ пріятныхъ преимуществъ. Напримѣръ, я уклонился отъ построчной платы; С. сталъ писать передовыя статьи не въ пятьсотъ строкъ, а въ сто двадцать, причемъ ясность изложенія и убѣдительность доводовъ его отъ этого нисколько не пострадали; Р. рѣшилъ брать въ счетъ гонорара столько денегъ, сколько надо для удовлетворенія аппетита и жажды; наша кассирша, которую блузники называли «рыбкой», и которая составляла странный контрастъ съ нами своей институтской внѣшностью, объявила, что жажда Р. неутолима, а конца жаровъ, вызывающихъ жажду, не предвидится. Тѣмъ не менѣе издательница была довольна и сообщила намъ, что наша самоотверженность есть признакъ нашей необыкновенной литературности.

Какого направленія мы держались? Радикально-автономическаго. Мы хотѣли самоуправленія на широкихъ началахъ. Мы не желали освобожденія Малороссіи и возвращенія къ гетманщинѣ, но мы не прочь были основать Черниговскіе соединенные штаты. Намъ мѣшала только Петербургъ и полное несочувствіе самой радикальной петербургской печати къ нашимъ автономическимъ вождедѣніямъ. Поэтому мы рѣшили вести войну съ Петербургомъ, мы всячески задирали Петербургъ, мы высмѣивали петербургскіе журналы и петербургскія газеты. Кто-то, кажется, г. Мордовцевъ, напечаталъ въ тогдашнемъ «Дѣлѣ» статью противъ провинціализма и даже противъ націонализма, предрекая, что будетъ время, когда всѣ народы станутъ говорить на одномъ языкѣ, который будетъ называться «буль-булемъ». Въ то время еще не былъ изобрѣтенъ волапюкъ и эсперанто. Буль-буль петербургскаго публициста послужилъ отправной точкой нашего юмористическаго отношенія къ столицамъ. Долой центры! Да здравствуетъ периферія!

Въ числѣ блузниковъ былъ и знаменитый кіевскій литераторъ, нынѣ покойникъ, Иванъ Петровичъ Новицкій. Строго говоря, это былъ единственный настоящій литераторъ въ Кіевѣ; всю жизнь онъ остался вѣренъ Кіеву. Никто не зналъ лучше его мѣстныхъ интересовъ и мѣстной исторіи; онъ былъ археологъ съ глубокими познаніями и мѣстный библіографъ, какихъ рѣдко встрѣтишь: вся его квартира была увѣшана проволоками, на которыхъ нанизаны были безчисленные билетки съ разными археологическими и библіографическими отмітками и справками. Онъ могъ въ любое время написать какую угодно серьезную статью, не выходя изъ своего кабинета, причемъ онъ никогда не писалъ легкомысленно, безъ фак-

товъ, безъ точныхъ основаній. Весь арсеналь его у него былъ всегда подъ рукой и постоянно накаплился и умножался. Одна бѣда была, Иванъ Петровичъ чувствовалъ жажду гораздо сильнѣе, чѣмъ самоотверженный юноша Р.,—чувствовалъ ее, по его собственнымъ словамъ, съ пеленокъ и, наконецъ, отъ нея умеръ (лѣтъ пять тому назадъ). Входилъ онъ, бывало, въ редакцію, пошатываясь, а иногда тутъ же въ передней располагался спать; его обыскивали, вынимали изъ кармана клочки, на которыхъ была написана статья, и отдавали въ типографію. Пилъ онъ мрачно и поэтому ничѣмъ не былъ собутыльникомъ, на всѣхъ наводилъ ужасъ, да и самъ предпочиталъ уединеніе. Загадочно было, что, при такомъ образѣ жизни, онъ отличался странной аккуратностью; всегда во время доставлялъ матеріалъ и зорко слѣдилъ за всѣмъ, что относилось къ его специальности—къ этнографіи и статистикѣ края.

Изъ профессоровъ Кіевскаго университета тайно участвовалъ у насъ покойный Кистяковскій, нерѣдко заходилъ въ редакцію, сочувствовалъ намъ и давалъ совѣты. Сотрудничать явно онъ не рѣшался, такъ какъ направленіе наше было «молодо». Мы весьма цѣнили дружбу Кистяковского, въ свою очередь сочувствовали ему, и его враговъ считали своими, острили на нихъ стрѣлы и готовили перуны.

Заходилъ къ намъ также ранними утрами профессоръ Гогоцкій. супругъ нашей издательницы. Редакція была въ первомъ этажѣ. Онъ стучалъ въ окно моего кабинета, длинный, худой, въ старомодномъ сѣромъ сюртукѣ, настоящій призракъ. Я открывалъ окно, и начиналась философская бесѣда. Профессоръ былъ а priori убѣжденъ, что я не только нигилистъ, но и отчаянный матеріалистъ, и совѣтовалъ мнѣ читать сочиненія Ульрици, какъ единственныя, которыя могутъ направить меня на истинный путь. О газетѣ своей жены онъ имѣлъ смутное представленіе, но считалъ ее страшно вредной. «Я, кому слѣдуетъ, объ этомъ уже писалъ и искренно былъ бы радъ, если бы ее закрыли. Въ васъ философія пріобрѣла бы лишняго друга, кіевскія мостовыя нѣсколько лишнихъ рабочихъ (тутъ профессоръ указывалъ рукой на моихъ блузниковъ), а дѣтямъ моимъ осталась бы лишняя тысяча рублей». Почтеннаго философа мы считали чудакомъ, неспособнымъ ни на какое зло, и относились къ его признаніямъ, какъ къ шуткамъ, свойственнымъ преклонному возрасту. Но философъ былъ слишкомъ серьезенъ, и онъ никогда не шутилъ.

Отъ времени до времени посѣщалъ насъ также нѣкто Снѣжко-блоцкій, офиціальный редакторъ «Кіевскаго Телеграфа», слѣпой и тугой на ухо. Конечно, онъ совершенно не вмѣшивался въ дѣла, и даже вмѣшательство его въ кассу выражалось въ самой слабой степени: получалъ онъ въ мѣсяцъ пятьдесятъ рублей. Посѣщалъ также нѣкто П., бывшій цензоръ «Кіевскаго Телеграфа», лишившійся мѣ-

ста, благодаря своему либеральному отношенію къ газетѣ и наводившій на насъ ужасъ своей болтовней, жалобами на судьбу и на литераторовъ, которые подвели его. Тутъ, кстати, я узналъ, что въ «Кіевскомъ Телеграфѣ» перепечатывались безъ особыхъ сокращеній статьи изъ революціоннаго журнала «Впередъ», и что объ этомъ производится еще секретное слѣдствіе. «Подождите, господа, влетитъ и вамъ, — предвѣщалъ намъ пострадавшій цензоръ. — Всѣмъ достанется на орѣхи! А другаго такого цензора, какъ я, уже на Руси не будетъ».

Какъ будто дѣла «Кіевского Телеграфа» стали поправляться. Сколько прибавилось подписчиковъ, было бы слишкомъ нескромно вспоминать объ этомъ. Правда, вѣроятно, нечѣмъ было бы особенно и похвастать, но, во всякомъ случаѣ, ихъ не убавилось, а было. Семья сотрудниковъ-блужниковъ сплотилась, сліяніе съ наборщиками шло, постепенно возрастая; самоотверженный Р. сталъ задумываться о томъ, какъ бы составить какое нибудь общество съ опредѣленными социальными задачами (не мѣшало бы привлечь приказчиковъ и писцовъ присутственныхъ мѣстъ; автономія — такъ ужъ автономія, чортъ возьми!).

15-го іюня были отпразднованы, на мой счетъ, при участіи всѣхъ сотрудниковъ и наборщиковъ, именины редактора, и выпито было такъ много пива, что номеръ своевременно не вышелъ. Но какіе же номера лѣтомъ? Слѣдующій номеръ мы дадимъ двойной. Мы пишемъ даромъ и, слѣдовательно, по вдохновенію. На другой день, когда, наконецъ, вдохновеніе осѣнило насъ, ко мнѣ пришелъ со статьей одинъ кіевскій старожилъ, бывшій учитель латинскаго или греческаго языка, г. И. Прославился онъ въ свое время тѣмъ, что старался о введеніи новаго правописанія въ русскій языкъ и объ измѣненіи нѣкоторыхъ грамматическихъ формъ, свойственныхъ нашей рѣчи: напримѣръ, онъ требовалъ, чтобы говорили не «первый классъ», а «первая классъ», и убѣдилъ своего друга, директора одной кіевской гимназіи, написать на вывѣскѣ: «Классическое гюмназіе». Вывѣска красовалась нѣкоторое время, но потомъ была убрана по приказанію высшаго начальства. Г. И. былъ извѣстенъ, кромѣ того, какъ страстный борецъ съ украинизмомъ. Статья его была направлена противъ «Кіевского Телеграфа» предыдущей редакціи; нелѣпо было бы напечатать ее. «Да и вопросъ, можно ли вообще еще допустить ваше сотрудничество?» — спросилъ изъ-за моего плеча самоотверженный Р. — Мы, батюшка, радикалы». Покраснѣвъ до корней волосъ, достопочтенный реформаторъ русскаго языка не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на блужника; онъ только сдѣлалъ гримасу въ его сторону и, желая видѣть лишь во мнѣ представителя «Кіевского Телеграфа» и отчасти джентльмена, потому что я не обидѣлъ его ни однимъ словомъ, началъ мнѣ доказывать, что, ведя газету такъ, какъ я веду ее, можно

добиться успѣха и поставить ее на ноги, но что необходимо отрѣшиться разѣ навсегда отъ украинофильства и отъ какого бы то ни было направленія, что «только при такомъ условіи газета будетъ существовать»,—многозначительно заключилъ онъ свою рѣчь.

У меня не хватило мужества остановить грубую ретивость Р., который громко позволилъ себѣ назвать почтеннаго И. доносчикомъ. Я никого не зналъ въ Кіевѣ и не былъ достаточно знакомъ съ интимными профессіями тѣхъ и другихъ его обывателей. Я извинился передъ И., а, оставшись наединѣ съ моимъ сотрудникомъ, нашелъ умѣстнымъ сдѣлать ему строжайше внушеніе. Окончилось внушеніе тѣмъ, что Р. отправился въ кассу и взялъ три бутылки пива; гонорара ужъ онъ давно не считалъ на деньги.

Номеръ вышелъ. Редакціонная жизнь вошла въ свою колею. Кончился жаркій день, наступилъ прохладный вечеръ. Звонокъ. «Кто тамъ такой? Это вы Р.?» — «Это я. Но тутъ, кромѣ меня, еще полицеймейстеръ. Съ пріятной новостью!».

Полицеймейстеръ сконфуженно вошелъ въ кабинетъ, извинился, вздохнулъ и вынулъ предписаніе генераль-губернатора, который, въ силу распоряженія, полученнаго изъ Петербурга, приказывалъ немедленно снять вывѣску съ редакціи «Кіевскаго Телеграфа» и обязать редакцію подпиской не выпускать больше газеты, изданіе которой считается впредь прекращеннымъ безъ права возобновленія.

Меня точно громомъ поразило. Я видѣлъ, какъ моя рука протянула обязательному полицеймейстеру папиросы, какъ онъ взялъ одну изъ нихъ, закурилъ и сѣлъ. Нѣсколько минутъ мы всѣ молчали. Наконецъ, полицеймейстеръ всталъ, сложилъ бумагу, въ прочтеніи которой я росписался, и, поклонившись, ушелъ.

— Что же дѣлать теперь?—вскричалъ Р.

— А ничего не дѣлать. Кончено.

— Нѣтъ! Траурные флаги надо вывѣсить, надо составить и напечатать циркуляръ всѣмъ подписчикамъ на траурной бумагѣ—вотъ что надо сдѣлать!

Я махнулъ рукой.

Траурные флаги не были повѣшены, а траурные анонсы были напечатаны. Въ газетахъ появилось лаконическое извѣстіе о нашей смерти: «По распоряженію начальства, газета «Кіевскій Телеграфъ» прекращена». Ни одного слова утѣшенія или сочувствія Проклятый Петербургъ! Анаѣемская Москва! Центры радуются, что периферія погибаетъ! Не смѣйтесь—мы были искренно огорчены

Но самое скверное было то, для меня, по крайней мѣрѣ, что участь «Кіевскаго Телеграфа» была рѣшена заранѣе, и что, по всей вѣроятности, объ этомъ зналъ мой предмѣстникъ, но утаилъ отъ меня по своимъ собственнымъ соображеніямъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ дружелюбными чувствами, которыя онъ ко мнѣ питалъ. Горделивые мои планы и замыслы разлетѣлись, какъ дымъ, и я остался,

какъ ракъ на мели. Пришлось всѣмъ разбрестись, куда попало. Одинъ изъ блузниковъ ушелъ въ Сербію сражаться, другой женился, и я былъ у него посаженнымъ отцомъ (онъ тоже могъ быть моимъ посаженнымъ отцомъ, мы были однолѣтки), третій пристроился къ желѣзнодорожной службѣ и теперь занимаетъ, кажется, весьма видный постъ. «Рыбка» вышла замужъ. Новицкій напился до изступленія. А я вернулся вспять въ любезный Черниговъ, былъ обратно принятъ на службу въ земство и жилъ тамъ до весны слѣдующаго года, когда судьба бросила меня, наконецъ, въ Москву.

Еще живя въ Черниговѣ, я сотрудничалъ въ нѣкоторыхъ московскихъ и петербургскихъ журналахъ: въ «Кругозорѣ» и «Пчелѣ» печаталъ стихи, а въ московскомъ «Будильникѣ» мелкіе рассказы. Впрочемъ, ихъ было не много. Я забылъ рассказать, что послѣ закрытія «Кіевскаго Телеграфа» возбужденіе противъ столичной прессы, равнодушной совершенно къ судьбамъ провинціальной печати, было у насъ такъ велико, что мы составили протоколъ и подписали. Въ немъ торжественно заявлялось, что ни одинъ изъ подписавшихся никогда не дастъ ни строки русской столичной литературѣ. Едва ли русская столичная литература отъ этого пострадала-бы. Впрочемъ, тѣ изъ насъ, которые обладали какимъ нибудь талантомъ или, по крайней мѣрѣ, способностью писать, не преминули въ весьма скоромъ времени нарушить свою торжественную клятву. Да проститъ меня провинціальная автономія и кіевская печать, но я былъ изъ числа первыхъ, нарушившихъ клятву. Потребность писать и работать на литературномъ поприщѣ у меня развилась до болѣзненности. Годъ, проведенный въ Черниговѣ, между прочимъ, былъ употребленъ мною на научную подготовку: мнѣ хотѣлось получить ученую степень, и я усиленно занимался, изучая естественныя науки. Въ Черниговѣ я сблизился съ кавказскимъ героемъ, генераломъ Новоселовымъ, жившимъ въ отставку въ своей подгородной усадьбѣ. Генералъ Новоселовъ отличался рѣдкой любовью къ печатному слову; онъ выписывалъ много журналовъ и газетъ, и верхомъ его честолюбія было бы издавать самому какой нибудь органъ. Съ этой цѣлью еще въ 1876 году, зимою, онъ ѣздилъ со мной въ Петербургъ, гдѣ я составилъ программу ежедневнаго изданія, подъ названіемъ «Россія». Генералъ долго стоялъ на томъ, чтобы газетѣ дать названіе «Духъ журналовъ». По моему совѣту, онъ обратился къ А. С. Суворину. Я не знаю, что сказалъ генералу знаменитый публицистъ, но, кажется, у Новоселова оказался недостатокъ въ деньгахъ, рисковать же всѣмъ своимъ состояніемъ онъ не рѣшился. Въ то время, когда я редактировалъ «Кіевскій Телеграфъ», генералъ Новоселовъ командовалъ второй сербской арміей и изъ главной квартиры своей прислалъ мнѣ дипломъ на званіе поручика, которымъ я не воспользовался, не смотря на необыкновенное увлеченіе «братушками».

Между прочимъ, оно выразилось въ стихотвореніи, напечатанномъ потомъ съ цензурными поправками въ Москвѣ въ журналѣ «Будильникъ» и иллюстрированномъ страшной картинкой: на ней лились потоки крови, и турки разсѣкали младенцевъ кривыми ятаганами. Картинка поправилась московской публикѣ и попала, вмѣстѣ съ моимъ стихотворнымъ грѣхомъ, даже на коробки со спичками. Кстати упомяну, что это патріотическое стихотвореніе было впослѣдствіи прислано однимъ моимъ другомъ при анонимномъ письмѣ въ редакцію толстаго журнала, гдѣ я былъ главнымъ сотрудникомъ, вмѣстѣ съ М. А. Антоновичемъ,—въ доказательство того, что я не либераль. Теперь я объективно отношусь къ прошлому; но, помню, меня порядкомъ огорчила выходка друга, руку котораго я сразу узналъ по тонкому, благообразному почерку. Вернувшись изъ Сербіи, генераль Новоселовъ бросилъ совѣмъ мечту о газетѣ, уѣхалъ въ Петербургъ хлопотать объ арендѣ и тамъ скончался. Пребываніе мое въ Черниговѣ становилось все несноснѣе и несноснѣе. Тоска грызла меня страшная. И вотъ въ одинъ прекрасный день, съ шестьюдесятью тремя рублями въ карманѣ, я отправился въ Москву, да не одинъ, а съ женой. Большой былъ рискъ бросить мѣсто, которое меня обезпечивало, и ринуться въ незнакомый городъ, не имѣя ни имени, ни связей, ни литературной опытности — прямо изъ периферіи въ «ананеевскій центръ»! Когда мы приѣхали въ Москву, у насъ оставалось всего пять рублей; кромѣ того, у меня были серебряные часы, у жены золотой крестикъ. Мы поселились, буквально, на чердакѣ; комнатка похожа на гробъ; можно было стоять по срединѣ, но возлѣ стѣнокъ приходилось только сидѣть. Прислуга ходила черезъ нашу комнату вѣшать бѣлье на чердакъ. Готовили мы обѣдъ на бумагѣ—я самъ готовилъ. Отличные выходили обѣды, только съ дымомъ. Кухонная лабораторія помѣщалась на единственномъ подоконникѣ; устанавливался крошечный треножникъ, зажигался кусокъ газеты, и на тоненькой жестяной сковородкѣ мигомъ начинала шипѣть яичница или котлета, купленная за пятнадцать копеекъ въ мясной лавкѣ. Сколько я ни читалъ воспоминаній бѣдныхъ людей, достигшихъ кое-какого благополучія впослѣдствіи, все у нихъ я встрѣчалъ проклятіе минувшимъ чернымъ днямъ, но что касается меня, то о московской жизни на чердачкѣ въ Большой Бронной улицѣ я вспоминаю скорѣе съ удовольствіемъ. Стояла весна. Шли шумные проливные дожди и необыкновенно громко барабанили по нашей крышѣ. Самый неудобный столикъ въ мірѣ былъ моимъ письменнымъ столомъ. Немудрено, что рассказы, которые были написаны на немъ, вышли весьма неудачны. Впрочемъ, они были приняты редакторомъ «Будильника» Н. П. Кичеевымъ. Я долго ждалъ денегъ, которыя мнѣ слѣдовало за эти рассказы, и, бывая въ конторѣ журнала, познакомился тамъ съ сотрудниками. Изда-

вала журналъ какая-то дама, содержавшая меблированныя комнаты. Своему редактору она платила семьдесятъ пять рублей въ мѣсяцъ, за комнату брала съ него сорокъ пять. Только все же Кичеевъ ухитрился франтить и премило разыгрывалъ изъ себя жеманнаго барченка. Онъ былъ любезный молодой человѣкъ, считалъ себя большимъ юмористомъ и шутникомъ хорошаго тона и предложилъ мнѣ завести какой нибудь отдѣлъ въ журналѣ. Еще въ «Кіевскомъ Телеграфѣ» я пытался высмѣивать столичную прессу; я завелъ отдѣлъ, который назывался: «Курьезы и раритеты большой и малой прессы».

Все было нелѣпо въ юмористическомъ журналѣ; мой отдѣлъ не составлялъ исключенія. Черезъ два мѣсяца сотрудничества въ «Будильникѣ» я принужденъ былъ продать свои часы, а жена заложила крестикъ. На голодный желудокъ юморъ плохая затѣя. Я узналъ, что въ типографіи Гатцука требуется корректоръ, и отправился туда съ предложеніемъ услугъ. Управляющій послалъ меня къ самому Гатцуку. Гатцукъ жилъ на Арбатѣ, и тамъ же помѣщалась редакція его еженедѣльной иллюстрированной газеты.

По имени я давно зналъ Гатцука; онъ былъ издателемъ безчисленныхъ календарей, всевозможныхъ величинъ, наводнявшихъ тогда Россію. Когда я вошелъ къ нему въ кабинетъ, я увидѣлъ очень пожилаго, сморщеннаго, торопливо улыбающагося человѣка и удивился потомъ, что ему всего сорокъ пять лѣтъ—на видъ ему было лѣтъ шестьдесятъ. Узнавъ, что я землякъ,—Гатцукъ былъ малоросъ по происхожденію и когда-то читалъ лекціи въ Рিশельевскомъ лицѣ въ Одессѣ,—онъ благосклонно засмѣялся: «Вмерла, вмерла маты Украина», задумчиво и юмористически проговорилъ онъ. «У меня былъ Кулишъ помощникомъ,—сказалъ онъ:—писалъ замѣчательно звучные стихи, но потомъ поссорился. Я теперь какъ безъ рукъ. Мнѣ необходимъ человѣкъ, на котораго я могъ бы положиться». Дальше онъ мнѣ объяснилъ, что ему нуженъ корректоръ именно въ этомъ смыслѣ: человѣкъ, обладающій литературной техникой и который могъ бы подъ его руководствомъ составлять номера газеты и выпускать ихъ. А такъ какъ вскорѣ изъ разговора выяснилось, что я былъ (хотя и весьма короткое время) редакторомъ газеты, то Гатцукъ предложилъ мнѣ пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ и пригласилъ завтра же начать работу.

И давно ужъ неспособенъ такъ работать, какъ работалъ у А. А. Гатцука. Всѣ политическія новости за недѣлю я втискивалъ въ извлеченіи въ газету; я втискивалъ въ нее всѣ внутреннія извѣстія; пересказывалъ въ двухъ строкахъ содержаніе каждой корреспонденціи; втискивалъ всѣ анекдоты и совершенно наново писалъ дамскіе романы, къ которымъ издатель чувствовалъ большую слабость, потому что они были. дешевы. О эти дамскіе романы! Не забуду ихъ. Приходилось передѣлывать все, начиная

съ заглавія, съ порядка расположенія главъ, съ вступительныхъ фразъ, съ заключительныхъ, съ каждого абзаца, выкидывать на каждой страницѣ по полустраницѣ, на каждой страницѣ вставлять новую полустраницу, приходилось измѣнять содержаніе, «шить и запошивать», приходилось распарывать юбку и вновь выкраивать изъ нея пиджакъ. Для будущаго беллетриста, какъ бы скромно ни было его дарованіе, то была унижительная работа.

Гатцукъ, показавшійся мнѣ при первой встрѣчѣ старикомъ, велъ жизнь необыкновенно дѣятельную и, когда онъ бѣгалъ по типографіи и взбѣгалъ по лѣстницѣ въ редакцію, онъ казался молодымъ человекомъ. Вѣчно его что-то озабочивало, вѣчно была лихорадка, въ головѣ роились проекты обогащенія. Подписка могла быть значительная, если не ударить лицомъ въ грязь. Россія объявила войну Турціи, и кто знаетъ, долго ли продержится война, что—если она продлится годъ, или два, или даже три? какая тогда будетъ подписка?

Теперь А. А. умеръ, и можно сдѣлать характеристику его. Былъ онъ человекъ маленькій, невидный дѣятель, но весьма типичный. Меня сразу же поразило, что у него нѣтъ никакихъ убѣжденій; онъ лавировалъ между мелями и приспособлялся къ обстоятельствамъ. Началъ онъ съ грошоваго предпріятія, съ копеечнаго календаря-крошки, а нажилъ домъ и развилъ дѣло, приносившее большой доходъ; онъ былъ собственникомъ лучшей типографіи въ Москвѣ и журнала, который на моихъ глазахъ сталъ конкурировать съ «Нивой». Издавалъ онъ журналъ не для малой, а для большой публики, и, не будучи человекомъ набожнымъ, чуть ли не въ каждомъ номерѣ печаталъ портреты архіереевъ, въ надеждѣ на подписку среди духовенства. Съ глазу на глазъ сужденія у Гатцука были рѣзкія, опредѣленные и крайне отрицательныя. Въ газетѣ же онъ проводилъ мнѣнія, о которыхъ заранѣе зналъ, что они понравятся толпѣ. Москву онъ ненавидѣлъ и тоже, кажется, считалъ ее «анаемскимъ центромъ», хотя по другимъ соображеніямъ; но всячески поддѣлывался къ ней, заискивалъ, ѣздилъ къ Каткову и на все испрашивалъ его одобреніе. Въ то же время онъ былъ человекомъ заносчивымъ, и самъ желалъ имѣть вліяніе на Москву. Когда, благодаря протекціи Каткова, его газетѣ, не смотря на то, что она была съ иллюстраціями, разрѣшено было выходить безъ цензуры, и у нея стало чуть не тридцать тысячъ подписчиковъ, А. А. Гатцукъ задрался съ Катковымъ, сталъ либеральничать и радикальничать, сталъ разсылать провинціальнымъ подписчикамъ особые номера съ «предосудительными» статьями и, наконецъ, погубилъ дѣло, надъ которымъ трудился столько лѣтъ. Типографію его закрыли, газета попала подъ цензуру и затѣмъ перешла въ другія руки.

Видя, какъ я тружусь, издатель удвоилъ мнѣ жалованье, но онъ ревниво относился къ моему досугу. Доказательствомъ того, что у меня бываетъ досугъ, служили мои статьи, за которыя слѣдовало мнѣ кое-что заплатить; я долженъ былъ отдавать ихъ даромъ, и досуга у меня не было.

Въ іюлѣ онъ уѣхалъ въ Казань на археологическій съѣздъ. Оттуда онъ присылалъ корреспонденціи, а я редактировалъ газету самостоятельно. Въ это время я познакомился съ Николаемъ Ивановичемъ Костомаровымъ, который пожелалъ дать нашей газетѣ фантастическую повѣсть подъ названіемъ «Сорокъ лѣтъ». Костомаровъ остановился въ Лоскутной гостинницѣ, и я бывалъ у него по вечерамъ, вмѣстѣ съ сотрудникомъ «Газеты Гатцука» Лавромъ Лавровичемъ Бѣлянкинымъ, весьма образованнымъ человекомъ для художника—онъ доставлялъ намъ рисунки. Бѣлянкинъ былъ большой говорунъ и умѣлъ занимать Костомарова. Какъ-то мы стали съ Бѣлянкинымъ восторгаться доблестью запорожцевъ. Какъ набросился на насъ Костомаровъ! Онъ сталъ кричать, что это разбойники, грабители, и, признаюсь, мигомъ насъ убѣдилъ въ этомъ. У него болѣли тогда глаза, и Бѣлянкинъ, бывший врагомъ куренія, посоветовалъ ему бросить табакъ, увѣряя, что никотинъ губительно дѣйствуетъ на зрѣніе. Костомаровъ сказалъ, чтобъ я тоже бросилъ курить. Черезъ недѣлю я посѣтилъ его, и, узнавъ, что я дѣйствительно отсталъ отъ куренія, Костомаровъ съ раздраженіемъ закричалъ: «А я не могу. Вотъ до сихъ поръ не курилъ, и до сихъ поръ здѣсь болитъ!»—и сталъ стучать себѣ въ грудь. Разумѣется, онъ началъ курить. Повѣсть «Сорокъ лѣтъ» я и Бѣлянкинъ въ присутствіи автора читали вслухъ въ помѣщеніи редакціи, когда пріѣхалъ Гатцукъ. На всѣхъ она произвела необыкновенное впечатлѣніе. Ужъ не помню, купилъ ли ее Гатцукъ, хотя она осталась у насъ въ портфель; при мнѣ она не была напечатана.

Л. Л. Бѣлянкинъ свелъ меня съ покойнымъ Ѳедоромъ Богдановичемъ Милеромъ, московскимъ поэтомъ, издававшимъ сатирический журналъ «Развлеченіе». Я Милера засталъ въ кабинетѣ съ открытой дверью въ садъ въ маленькомъ мѣщанскомъ домикѣ въ Мошковомъ переулкѣ. Это былъ красивый старикъ. На шкафахъ его кабинета стояли гипсовые бюсты писателей, пожелтѣвшіе отъ времени. Сѣдая жена поэта сидѣла рядомъ съ нимъ. На меня повѣяло миромъ отъ этой сцены. Журналъ «Развлеченіе» дѣло семейное; мнѣ представилось, что оба супруга обсуждаютъ вмѣстѣ тотъ или другой способъ варки варенья и содержаніе номера; вмѣстѣ они смѣются надъ задуманной каррикатурой. Впрочемъ, Ѳедоръ Богдановичъ издавалъ юмористическій журналъ по недоразумѣнію; самъ онъ былъ склоненъ къ торжественнымъ стихамъ, и даже высокопарнымъ.

Я написал шутку о корреспондентѣ, который отправляется на театр войны, но, получивъ авансъ, предается неумѣренному пьянству, впадаетъ въ бѣлую горячку, принимаетъ Москву за непріятельскій лагерь, дебоширитъ, теряетъ образъ человѣческій и, наконецъ, совершенно оболдѣлый, попадаетъ въ балаганъ, гдѣ его наряжаютъ дикимъ индѣйцемъ и заставляютъ ѣсть живыхъ голубей. Бѣлянкинъ иллюстрировалъ рассказъ и придалъ чертамъ корреспондента сходство съ чертами одного, уже извѣстнаго въ то время, а теперь гремящаго на всю Москву, репортера. Прошло много лѣтъ. Въ минувшемъ году я былъ въ Москвѣ, и вдругъ мнѣ рассказываютъ объ этомъ репортерѣ, нынѣ собственникѣ большой газеты: «Что, каковъ, батюшка! миллионеръ! А вѣдь было время, глоталъ живыхъ голубей. Честное слово; многіе еще помнятъ!». Такъ создаются литературные легенды и мифы.

Изъ другихъ литературныхъ знакомствъ, заключенныхъ мною въ то время въ Москвѣ, упомяну о покойномъ Гавріилѣ Александровичѣ Хрущовѣ-Сокольниковѣ. Онъ былъ племянникъ извѣстнаго севастопольскаго героя и владѣлецъ маюрата. Лицо у него было каторжника, души онъ былъ добрейшей и благороднейшей. Неугомонный духъ предприимчивости жилъ въ немъ и портилъ ему существованіе. Большія деньги затратилъ онъ на устройство фотографіи въ Москвѣ, цинкографіи, на изданіе журнала, который назывался: «Московское Обзорѣніе», и который былъ радикаленъ и нѣсколько безграмотенъ. Квартира Хрущова-Сокольникова напоминала собою лабораторію какого-то мага и волшебника: электрическія машины, батареи, камеръ-обскуры разныхъ системъ, сулей съ химическими жидкостями, и посреди всей этой груды веще самъ Гавріилъ Александровичъ, улыбающійся, суеятящійся, объясняющій свои изобрѣтенія, которыя должны имѣть будущее. Онъ былъ старше меня лѣтъ на семь. Тогда онъ еще не былъ русскимъ Габоріо, но ужъ на языкѣ у него вертѣлись уголовныя исторіи и рассказы о сложныхъ мошенническихъ продѣлкахъ. Этотъ честный и милый человѣкъ постоянно лелѣялъ въ душѣ кровожадные замыслы или, по меньшей мѣрѣ, плутовскіе: онъ былъ уголовный романистъ по призванію и черезъ нѣсколько лѣтъ, попавъ въ Петербургъ, онъ наводнилъ литературный рынокъ произведеніями своей плодovitой фантазіи. Романы его расходились нерѣдко въ пяти тысячахъ экземпляровъ. Ему доставляло удовольствіе самому торговать книжками, и въ одинъ мѣсяць онъ получилъ такую массу денежныхъ пакетовъ, что набилъ ими два ящика комода. Онъ съ гордостью указывалъ мнѣ на свои трофеи. Ничѣмъ подобнымъ я не могъ похвастать.

«Московское Обзорѣніе» Хрущовъ - Сокольниковъ уступилъ братьямъ Пушкаревымъ, изъ которыхъ старшій Н. Л. Пушкаревъ пользовался репутаціей поэта. «Московское Обзорѣніе» было

передѣлано въ иллюстрированный журналъ «Свѣтъ и тѣни», пользовавшійся сначала громаднымъ успѣхомъ. Я раза два былъ у Пушкиревыхъ. Редакторъ лежалъ въ постели и диктовалъ стихи, братъ записывалъ. Духъ изобрѣтенія тоже царилъ въ этой редакціи. Поэтъ выдумалъ «свѣчку», она еще не была въ ходу, но ужъ показывалась всѣмъ любопытнымъ.

Газета Гатцука, благодаря войнѣ, быстро росла, и мнѣ было обѣщано тройное содержаніе съ января мѣсяца. Однако же, чѣмъ дальше, тѣмъ тягостнѣе становилось мнѣ работать у Гатцука. Это не было дѣло, съ которымъ бы я могъ сростись всѣми своими нервами; духовно оно мнѣ не принадлежало, хотя трудъ мой былъ литературный, но въ немъ было мало литературности. Къ тому же, напряженная дѣятельность, — я нерѣдко не спалъ ночей, — разстроила мнѣ нервы. Случился пожаръ въ типографіи Гатцука. Пожаръ былъ потушенъ, а на другой день громадный желѣзный котелъ, стоявшій на дворѣ, оказался лопнувшимъ. Гатцукъ, показывая мнѣ на котелъ, сказалъ: «Какой страшный былъ пожаръ! За мѣтете, лучистая теплота накалила котелъ, и онъ не выдержалъ!». На самомъ дѣлѣ котелъ лопнулъ потому, что въ немъ была вода, она замерзла, и чугуны треснулъ. Но Гатцукъ стоялъ на своемъ и сталъ смѣяться, когда я ему сказалъ, что можно разорвать чугунную бомбу, заморозивъ въ ней воду. Невѣжество издателя показалось мнѣ достаточной причиной для того, чтобы бросить мѣсто, которое перестало мнѣ нравиться. Мы разошлись. Я знаю, что А. А. Гатцуку я былъ полезенъ, и что я сторицей вознаграждалъ его за тѣ деньги, которыя онъ мнѣ платилъ, но всеже скажу, что безъ его помощи мнѣ, должно быть, скверно пришлось бы въ Москвѣ. Миръ его праху!

Ушелъ я изъ «Газеты А. Гатцука» въ началѣ декабря. Денегъ, само собой разумѣется, у меня не было ни копейки. Но тутъ выручилъ редакторъ журнала «Природа». Въ типографіи Гатцука или той, гдѣ печаталось «Московское Обозрѣніе», онъ увидѣлъ мою корректуру и явился ко мнѣ съ предложеніемъ ѣхать въ Петербургъ и слить въ одинъ общій журналъ еженедѣльную «Охоту» и трехмѣсячную «Природу», выпустивъ первый номеръ «Природы и охоты», пока онъ справится со своими домашними дѣлами. Предложеніе было выгодное, о Петербургѣ я мечталъ, и вотъ я пріѣхалъ въ другой «анаѣемскій центръ». Это было въ день похоронъ Некрасова.

Наконецъ-то повѣяло сколько нибудь осмысленной работой!

І. Ясинскій.